

УДК 821.161.09

ЧАТЫРДАГ КАК ОБЪЕКТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ А. С. ГРИБОЕДОВА

Орехова Л. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО РК «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: la.orehova@gmail.com

Для А. С. Грибоедова-дипломата географические характеристики местности преобразовывались в новые смыслы: стратегические приоритеты этой местности, условия хозяйствования, «движение народов» и т. д. Это давало возможность проникнуть как в тайны древних исторических процессов, так и предположить исторические перспективы региона. Поездка в Крым летом в 1825 года автору фразы о временах «Очаковских и покоренья Крыма» виделась, прежде всего, как познавательная. Исторические раздумья сопровождали его на всем пути (*«не приморскими видами я любовался», «перебирал мысленно многое»*). В череде этих раздумий «центральная» гора Крыма Чатырдаг заняла особое место. Анализ Крымских заметок А. С. Грибоедова убеждает, что с первых дней пребывания в Крыму он размышлял о загадке Чатырдага, постигал географическую и историческую логику освоения («обживания») Чатырдага в древности, хотя не нашел очевидных следов обитания человека. Но Грибоедов не сомневался, что гора обживалась в разные исторические эпохи; люди выбирали места, где могли защититься, где была вода (на склонах Чатырдага это мощный источник Аян), пастбища, пещеры, чтобы укрыться. По его предположению, древние жители Чатырдага постепенно «спустились» к морю, «осели» на побережье («усел город»), чтобы стать богатой Алуштой, городом, неоднократно разрушаемым «рассвирепевшим неприятелем», и лишь развалины («груды камней») свидетельствуют «о прежней величавой его жизни».

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, Крымские заметки, Чатырдаг, литературное крымоведение, Красные пещеры, Алушта.

ВВЕДЕНИЕ

Своей **целью** ставим изучение материалов крымского путешествия А. С. Грибоедова, выделив значимый географический объект – Чатырдаг. А. С. Грибоедов приехал в Крым около 20 июня 1825 г., оставался здесь почти три месяца. Важнейшие факты путешествия и впечатления сохранил в веденных «на ходу» кратких Путевых заметках, из которых следует, что с 24 июня по 12 июля 1825 г. он объехал южнобережный Крым, Севастополь, Балаклаву; возвратился в Симферополь через Бахчисарай, Саблы (ныне с. Партизанское). О последних днях Грибоедова в Крыму мы узнаем из писем другу С. Н. Бегичеву от 9 и 12 сентября 1825 г.: покинув Симферополь 10 сентября, посетил Судак, Феодосию, Керчь, а далее

морем уехал на Кавказ. Возможно, впоследствии Грибоедов использовал бы эти записи, но вернуться к работе над ними не успел. А. С. Грибоедов трагически погиб в Тегеране *30 января 1829 г.*

Рукописи путевых заметок не сохранились. А. С. Грибоедов оставил их С. Н. Бегичеву при последней встрече в 1828 г.; позднее Бегичев передал бумаги на хранение родственнику и биографу Грибоедова Д. А. Смирнову (1819-1866), который опубликовал эти материалы («сборник разных бумаг Грибоедова», по определению Д. А. Смирнова) в журнале Г. Е. Благовосветлова «Русское слово» в 1859 г. (№ 4, 5). Сами же рукописи (исследователи называют эти рукописи «Черновой тетрадь») погибли в имении Д. А. Смирнова при пожаре в 1870 г. [3, т. 2, с. 383]. В современном Полном собрании сочинений А. С. Грибоедова в 3 томах, изданном ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в 1995–2006 гг., крымские Путевые заметки драматурга напечатаны по публикации «Русского слова» (№ 5). Научный редактор издания С. А. Фомичев допускает, что «Черновая тетрадь» была опубликована не полностью и в отдельных случаях возможно неточное прочтение грибоедовского текста [3, т. 2, с. 383]. Но и при таком допущении Крымские Путевые заметки Грибоедова хранят бесценную биографическую, историческую информацию, свидетельствуют о настроениях автора [10] и приоритетах восприятия, поскольку выбор маршрутов путешествия, отбор сведений для дневниковых записей говорит о выделении фактов значимых и достойных будущего припоминания. Относительно Чатырдага это тем более важно: мы можем наблюдать, как в ходе путешествия Грибоедов целенаправленно накапливал знания о «центральной» горе Крыма, стремился постигнуть историю освоения склонов и плато Чатырдага с древних времен.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Путевые заметки Грибоедова не были рассчитаны на стороннего читателя, велись *для себя* (по выражению Д. А. Смирнова, «про-себя» [2, с. 284]). Они лаконичны; каждое новое предложение (слово) – запечатленная картина, фиксирующая позицию видения; в описании своего пути автор вольно пользуется

словами «направо», «слева», «вперед», «сзади» (комментатору предпочтительнее ориентиры «север», «юг» и т. п.). «Телеграфный» стиль Грибоедова не позволяет читателю, не знакомому с Крымом, «сориентироваться на местности», географическая конкретика может показаться нагромождением устаревших топонимов. Потому детально «прорисовать» маршрут Грибоедова трудно, особенно в первые дни его путешествия (24 – 28 июня). Так, Е. В. Петухов [2, с. 284], профессор Крымского пединститута [18; 19; 20; 21], занимавшийся, в ряду иных историко-литературных тем, вопросами пребывания русских писателей в Крыму, писал в 1947 г. о первых поездках Грибоедова весьма путано (при цитировании сохраняем авторское и исторически характерное написание топонимов): «<Грибоедов> отправился из Симферополя, *захватив предварительно некоторое пространство к северу; потом, возвратясь опять к югу*, мимо дачи помещика Оффена, осмотрел знаменитую известковую водную котловину Аян, водами которой жители Симферополя и теперь пользуются (Аянское водохранилище, сооружавшееся в 1927 г. – Л. О.). Затем, *оставляя в стороне Саблы и Бахчисарай* (это вовсе не по пути. – Л. О.), путешественник, постоянно имея в виду Чатыр-Даг, *едет дальше зигзагами на юг по направлению к Алуште*. Далее, в виду моря, *идут у Грибоедова в произвольном беспорядке – сообразно с его поворотами то вниз, то вверх, то в стороны* – Байдарская долина, Балаклава, Георгиевский монастырь, а над всем этим с разных сторон величественный и огромный Чатыр-Даг; дальше идет Севастополь, Херсонес (курсив мой. – Л. О.)» [24, с. 179]. Еще ранее, в очерке «Крым и русская литература» (1927) Е. В. Петухов ограничился указанием мест, где побывал Грибоедов, не придерживаясь маршрутной хронологии: «<...> Посетил почти все города Крыма: Симферополь, Феодосию, Севастополь, Алупку, Ялту, Бахчисарай и др., поднимался на Чатыр-Даг и другие высоты, ночевал в овчарнях с чабанами, босой забирался в пещеры. Дневник Грибоедова по Крыму не простое перечисление им виденного; в авторе везде виден глубокий дух, живое воображение, чувство красоты и какая-то особенная сосредоточенно-серьезная настроенность» [25, с. 12].

Отмеченная Е. В. Петуховым «особенная сосредоточенно-серьезная настроенность» в крымских заметках Грибоедова, угадывается, на наш взгляд, в

строгой избирательности информации, в «звучащей» в тексте деятельной жажде познания и «динамике» путешествия – при поразительной неутомимости путешественника. В этом смысле описание первых дней путешествия – к подножию Чатырдага и на Чатырдаг – демонстрирует продуманность маршрута и подготовленность: в походном чемодане Грибоедова, как следует из описи при аресте по делу декабристов в январе 1826 г., находилась топографическая карта Крыма, книги, касающиеся крымской географии и истории [3, т. 2, с. 587]. Произведенное Чатырдагом впечатление было велико, хотя Грибоедова трудно было удивить: он мог сравнивать Крымские горы с Кавказом. Но даже спустя время, 9 сентября 1825 г. в письме из Симферополя к С. Н. Бегичеву в Тульскую губернию А. С. Грибоедов, среди прочей информации, выделил в отдельный абзац строку: «О Чатыр-Даге и южном берегу после, со временем» [3, т. 3, с. 99]. Стало быть, гора Чатырдаг была известна Бегичеву и предполагала отдельную тему беседы.

Чатырдаг (Чатыр-Даг), иначе: Джадир-Даги, Трапезус, Палат-гора – горный массив в Крыму, вытянутый с юга на север, с *платообразной* двухъярусной вершиной; к юго-востоку и юго-западу заканчивается горными мысами – соответственно: Ангар-Бурун (1459 м) и Эклези-Бурун (1527 м). Чатырдаг находится в центральной части Главной Крымской гряды, от южной гряды (Бабуган-яйлы) отделяется горным перевалом Кебит-богаз, с востока от Демерджи-яйлы и Долгоруковской яйлы – Ангар-богазом (Ангарским перевалом); зрительно воспринимается совершенно обособленной горой, с многих точек обзора выглядит трапецией. *Чатыр* (тюрк.) – *шатер*, похож на *палатку* (отсюда Палат-гора, Шатер-гора). 2000 лет назад Страбон упомянул Чатырдаг под названием Трапезунт (с греч.: *трапеза*, *трапедза* – стол, *трапедзион* – трапеция): «В гористой области тавров есть <...> гора Трапезунт» [8, с. 104]. «Один из “колумбов” Тавриды» и автор первой монографии о природе Крыма [8, с. 87] К. И. Габлиц (являвшийся, кстати, в 1784-1802 гг. вице-губернатором Таврической губернии) сообщал, что Чатырдаг «почти посередине всей ширины полуострова находится», «первейшею» горою «во всей Таврической области почитается» [1, с. 9, 39]. «Таким образом, – писал естествоиспытатель П. С. Паллас (с трудами Палласа Грибоедов был знаком), – не

следует удивляться древним мореплавателям, сделавшим ее предметом особого внимания» [23, с. 87].

При въезде в Крым путешественник замечает Чатырдаг издалека, «со стороны *Перекопа* за 70 верст» [1, с. 41]. П. И. Сумароков (1767-1846), служивший с 1802 г. в Крыму в комиссии по спорам о землях и опубликовавший книгу «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду», отдельную главку посвятил тому, как впервые увидел Чатырдаг по пути с севера полуострова к Симферополю: «Но что значит это мудреное облачко, которое не расходится, не меняет своего вида и пребывает неподвижным? А! это гора Чатыр-Даг, удивительный колосс Крыма, выглядывает за 130 верст отсюда <...> Чем далее я подвигался, тем более открывался ее вид, а в 80 верстах, уже по освещенной ее середине, довольно ясно означились уступы оной» [28, с. 105]. Вблизи Чатырдага потрясенный Сумароков понял роль горы как величественной границы между степным Крымом и его Южным берегом: «Многие цепи гор, окружающие господствующий над ними Чатыр-Даг, выставляют вдали одни из-за других черные свои вершины. Какое зрелище! Какое распоряжение строителя миров! Дивится ум, не постигает мысль такого превращения. Сей рубеж служит как предисловием обетованной стране» [26, с. 77]. И дальше: «Чатыр-Даг, как будто ширмами, заслоняет полуденную страну» [26, с. 159]. А. Мицкевич в «Крымских сонетах» назвал «великий Чатырдаг» «мачтой крымских гор» [11, с. 559].

Хотя Чатырдаг не самая высокая гора в Крыму (выше ее Роман-Кош – 1545 м, Демир-Капу – 1540 м, Зейтин-Кош – 1534 м и Кемаль-Эгерек – 1528 м), она впечатляет панорамной перспективой. Как писал П. С. Паллас, «беспрепятственно видно до Судага, так же, как и над более низкими горами до Ялты со всем побережьем»: «Это зрелище еще шире – с северной стороны, <...> обширнейший вид всех равнин Крыма и всего Тарханского Кута до Перекопа и еще далее» [23, с. 89]. «Быть в Крыму и не сделать посещения Чатыр-Дагу есть дело предосудительного равнодушия», – убеждал П. И. Сумароков [28, с. 105].

А. С. Грибоедов поехал к северному подножию Чатырдага и в урочище Кизил-Коба (Красные пещеры, что в нескольких верстах на северо-востоке от Чатырдага) в первый же день путешествия – 24 июня 1825 г.:

«Июня 24. Середа, Иванов день. Вверх по Салгиру верхом. Сады. Минареты, Перовского дачка – приятной, легкой архитектуры домик. Облако столбом над Чатыр-Дагом, будто курится. Ручьи падают справа от нашей дороги в Салгир (видимо, накануне прошел дождь. – Л. О.). Тополи, надгробные камни с чалмами. – Аянь, на восток от него в полуверсте источник Салгира в известковой каменной котловине. Пещера, вход с двух сторон; спереди с шумом извергается источник, слева род окошка; мы, разутые, лезем в него, цепляемся по голым камням, над нами свод, род пролома сверху, летучая мышь прилеплена к стене возле, и внутренняя продолговатая пещера позади нас. Мы сидим над самым О-м. М. Ш. называет это глазом. Вода холодная, как лед» [3, т. 2, с. 322].

Здесь необходимы географические пояснения. Грибоедов, как его современники, называет истоком Салгира Аянский источник у старого греческого поселения Аян (Ай-Ян; с крымскотат. Св. Иоанн: по преданию, здесь находился монастырь Св. Иоанна). Однако в географии XX в. Салгиром называют реку, образующуюся слиянием рек Ангары и Краснопещерной (Кизилкобинки) у с. Перевального. А речка Аян впадает в Салгир тремя километрами ниже по течению, в с. Заречном; русло ее от истока до впадения в Салгир невелико (5 км). Именно поэтому Аян считается *притоком*, а не *истоком* Салгира [29, с. 32–33]. Впрочем, сегодня некоторые географы склонны признать истоком Салгира именно Аян – как самый многоводный источник на Чатырдаге. Грибоедов, как видим, посвятил его описанию емкие пять строк. Но как понять, о чем думал и хотел сказать Грибоедов, когда писал: «Мы сидим над самым О-м»?

Исследователь Крыма А. Л. Бертъе-Делагард предполагал, что «над самым О-м» – один из случаев неправильного прочтения грибоедовской рукописи; видимо, было: «С-м», т. е. *Салгиром* [2, с. 296]. Но, думается, допустимо и другое предположение, если исходить из следующей фразы: «М. Ш. называет *это* глазом». Почему Грибоедов использует указательное местоимение *это*, обозначающее возвращение к мысли, высказанной ранее? Случайно ли, что «О-м» и «глазом» стоят в одном падеже? Не является ли «О-м» метафорой, точно выразившей впечатление Грибоедова и заменившей все подробности?

Разгадку поищем в сохранившихся описаниях Аяна. А они свидетельствуют, что *ниша* в скале – т. е. «известковая каменная котловина», которую из пещеры *сверху* видел Грибоедов, была глубокой, вода чистой, голубой. Привлечем описание «источника Салгира» (Аяна), оставленное Ал. Ивашевым («Прогулка на Чатыр-даг 5-го мая 1829 года»): «Большой *круглый* овраг, как будто из одного камня иссеченный в виде воронки <...> Поток выходит из земли с большим стремлением, *под навесом скал*, в виде довольно правильного свода. Вода выше и ниже бьющего ключа составляет два бассейна, *из коих верхний должен быть весьма глубок, ибо, несмотря на прозрачность чистой, как хрусталь воды, дна не только не видно, но, говорят, и достать не можно* (курсив мой. – Л. О.)» [9, с. 186].

Глубокая голубая «котловина», представляющаяся сверху, завораживала, могла ассоциироваться *с глазом* (как и называл спутник Грибоедова *М. Ш.*). А лучше и точнее сказать: *Оком, устремленным в небо*. Может быть, «*О-м*» в тексте Грибоедова и следует прочесть как «*О<ко>м*»?

Есть и другая предлагаемая расшифровка «над самым О-м» – «над самым *О<брыво>м*» [2, т. 2, с. 322]. Но тогда почему с большой буквы?

Насколько впечатляющей и «метафорообразующей» была картина выбивающегося из расщелины мощного Аянского источника, убеждает отрывок из книги И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (СПб, 1923), которую Грибоедов возил в Крым в походном чемодане [3, т. 2, с. 587]: «<...> Здесь – вид Хаоса, Дантевская картина <...> С великим трудом и даже опасностью можно доползти до водяной, *бездонной (как говорят здесь татары) колыбели Салгира*, на поверхности коей ежеминутно и с шумом поднимаются пузыри. <...> Здесь ожидаешь, что Уголино (персонаж из «Божественной комедии» А. Данте, за измену замурованный вместе с сыновьями и внуками и, по легенде, питавшийся их телами. – Л. О.) выставит из воды страшное чело свое <...> (курсив мой. – Л. О.)» [Крымский миф. 2017. С. 318]. Как видим, впечатления путешественников разнятся. Вместо ужасающих ассоциаций Муравьева-Апостола Грибоедов дает реалистичное описание истока, но учитывает местную метафоризацию и ссылается на нее: «*М. Ш.*

называет это *глазом*». Возможно, неизвестный «М. Ш.» был проводником-татаринном; путешественники охотно пользовались их услугами.

Возвратимся к тексту из Путевых записок А. С. Грибоедова и продолжим цитату: «После обеда из Аяна косогором к западу, направо лесистая впадина к дороге между Ч.-Д. и Темирджи, склонение к северу Яйлы, под ним домик Офрена, сзади подошва Чатыр-Дага, впереди ущелье Кизиль-Кобе, проезжаем через ущелье Альгар, деревня Човки (станция к Алуште), влево малый Джанкой, вправо речка Кизил-Кобе, ущелье входит клином в гору, там родник сперва наружу, потом отвесно под землю, потом снова широкою лентою падает на камни и течет в долину, которая позади нас; орлиные гнезда, орешник, кизил, род ворот между двух самородных камней, пещеры, своды, коридоры, столбики, накипи.

Симферополь. Цыганская нынешняя музыка в Крыму – смесь татарского с польским и малороссийским» [3, т. 2, с. 322].

Итак, в первый день путешествия у Грибоедова были две конкретные цели: источник Салгира под Чатырдагом (поездка вдоль *северных* отрогов горы) и Красные пещеры (Кизил-Коба). Кстати, именно А. Ивашеву, чье писание «источника Салгира» мы привлекли, принадлежит сведение, что при посещении Кизил-Кобы в 1829 г. (т. е. после гибели А. С. Грибоедова) на стене пещерного зала со сталактитами он «с удивлением прочел» «несколько знакомых имен»: «Особенно поразило меня имя незабвенного А. С. Грибоедова. По общему обыкновению и мы написали имена свои в этом подземном храме воспоминания» [9, с. 192–193]. Но был это *автограф* А. С. Грибоедова или кто-то высек его имя в память о Грибоедове – установить не удастся. Позднее информацию об автографе Грибоедова в Красных пещерах повторила в своем «Путеводителе» (1871) М. А. Сосногорова [27]. Со временем в Красных пещерах один из ходов к подземному озеру и реке в старой части нижней пещеры был назван Грибоедовским коридором [7, с. 34], или Грибоедовской галереей [30, с. 9].

Путешествие первого дня позволило увидеть вблизи живописное подножие Чатырдага и обещало масштабные впечатления при восхождении на гору. Маршрут по ландшафту у северных отрогов Чатырдага был известен. Мы основываемся на

информации «Путеводителя путешественника по Крыму» Ш. Монтандона. Создавался «Путеводитель...» в 1820-годы; автор прошел все описанные им впоследствии маршруты, создавая «документальную панораму Тавриды» и оказавшись, таким образом, «в ряду известнейших исследователей Крыма» [15, с. 14, 12]. Издана книга на французском языке в Одессе в 1834 г.

Долины Мамака, пещеры Кизил-Кобы, исток Салгира и Чатыр-Даг охвачены у Монтандона единым маршрутом «D»: «Благодаря тому, что Чатыр-Даг, исток Салгира и пещеры Кизил-Кобы расположены близко друг к другу, их обычно посещают в течение одной прогулки. Если отправляться из Симферополя, то для этой экскурсии хватит двух дней хорошей погоды <...> Кто пожелает без задержки посетить пещеры, сможет, не сходя с лошади, нанять проводника Мамбета <...> Открытая сторона этого ущелья представляет взору великолепный вид на Чатыр-Даг» [12, с. 183–184]. Не Мамбет ли скрывается у Грибоедова под загадочным *М. Ш.*? А может быть, сам Монтандон Шарль?

Ночь с 24 на 25 июня 1825 г. Грибоедов провел в гостинице Симферополя. Утром шел дождь. Но Грибоедов, наверное, рассчитывал на летнюю смену погоды, не хотел оставаться в бездеятельности. Второй день путешествия А. С. Грибоедова: «25 июня. Дождливый день. Берем несколько назад, потом левее, по северной подошве Чат<ыр>-Д<ага> до Буюк-Джанской. Оттуда вверх довольно отлогая дорога, лесистая. Справа овраги, тесные и глубокие долины, бездны лесные, там течет Альма (ее исток между Ч<атыр>-Д<агом> и С<ултан>-Г<орой>.), белые холмы Саблы в отдалении, еще далее горы Бахчисарая. Поднимаемся на террасу каменную, инде поросшую лесом, убежище чабанов внизу, а далее в равнине все еще туман. Шатаемся по овчарням» [3, т. 2, с.322–323] Описание подъема на Чатырдаг от подошвы до плато поместилось у Грибоедова в шести строках. Но читать их надо внимательно: каждое слово указывает на открывающиеся с высотой новые горизонты. Грибоедов уточняет у проводника, что именно видится вдали, и записывает. Он сосредоточен лишь на этом; ни слова о трудностях подъема.

Комментировать записи Грибоедова в этом случае опять помогает «Путеводитель...» Ш. Монтандона: «Приехав в Б.-Янкой, нужно будет подыскать

проводника, хорошо знающего местность. <...> Если удастся нанять того, которого зовут Мартаза-Бай, будете довольны его услугами Расстояние от Б.-Янкоя до вершины Чатырдага составляет около 15-ти верст. <...> Проехав 6 верст по лесу, по дороге, уклон которой становится все более и более чувствительным, оказываемся на террасе, где замечаем еще несколько куп деревьев и рощицы, в которых скот находит убежище от гроз и зноя. Пастбища на всем этом горном плато великолепны, и владельцы, ежегодно отдающие их в аренду татарам, выращивающим скот, получают хорошую прибыль» [12, с. 187].

А. С. Грибоедов делает остановку у чабанов: «После обеда. Наелись шашлыка, каймака на круглом столике, поселившись в каменной яме к северу от овчарного хлева. Зеленъ и климат северные. Низменная даль все еще подернута непроницаемою завесою, оттудова тучи поднимаются к нам, ползут по Чатыр-Дагу. Он совершенно дымится. Горизонт более и более сужается, наконец, я весь увит облаками.

У здешних пастухов лица не монгольские и не турецкие. Паллас производит их от лигурийцев (древние племена северо-западной Италии. – Л. О.) и греков, но они белокуры, черты северные, как у осетинов на Кавказе <...>» [3, т. 2, с. 323].

Остановка у чабанов на склонах Чатырдага традиционна. У Сумарокова, например, читаем: «По объявленному уставу гостеприимства чабаны на втором ярусе потчевали нас овечьим молоком, разведенным со льдом, и таскали из котла куски вареной баранины» [28, с. 59].

Следующее действие – без авторского пояснения, как почти всюду в Путевых записках Грибоедова, – происходит на *нижнем* плато Чатырдага. Для понимания ситуации необходим географический комментарий. Чатырдаг – не конусообразная гора, верх ее – *двухступенчатый* массив, повышающийся к югу, где располагается *верхнее* яйлинское плато; севернее лежит гораздо более обширное *нижнее* плато, на 300 – 500 м ниже южного [8, с. 107]. Ш. Монтандон был поражен размерами Чатырдага: «Невозможно точно определить протяженность Чатырдага. Паллас указывает, что она может составлять у основания 10 верст в длину и 5–6 верст в ширину» [12, с. 187–188]. Ан. Демидов в 1837 г. был уверен, что «Чатыр-Даг измерен уже несколько раз наблюдателями, вполне заслуживающими доверия» [4, с. 434].

Сообщим современные «промеры» Чатырдага: меридиально гора вытянута почти на 10 км – при ширине с запада на восток до 5 км. Общая площадь со склонами и отрогами составляет 46,5 кв. км. Вот и современное компетентное описание Чатырдага (вид сверху): «В плане это прямоугольник с четкими ровными склонами, за исключением северной оконечности, расчлененной долинами сухоречий – короткими притоками речушек Тавель, Ак-Мелек и Аян, принадлежащих к бассейну Салгира» [5, с. 5]. Поверхность Чатырдага покрыта щелями, бороздами, трещинами, каменными гребешками, шипами – начальными формами карста; на Чатырдаге более 770 карстовых воронок, дающих начало подземным карстовым полостям: колодцам, шахтам, пещерам; сегодня на горе открыто и исследовано более 150 подземных полостей. Центральная и юго-восточная части нижнего плато Чатырдага отличаются наибольшей закарстованностью, здесь находятся самые глубокие шахты: Эмине-Баир-Коба, Эмине-Баир-Хосар, Горшенина, Суук-Коба, или Холодная, Бинбаш-Коба, или Тысячеголовая, Партизанская, Армейская, Обвальная, Учунжу, Вялова, Аянская [5, с. 16–19].

Одну из этих пещер посетил Грибоедов, но в его описании не использовано даже слово *пещера*: «Гроты снеговые, стены покрыты мохом, над ними нависли деревья. Спускаюсь вглубь, впалзываю в узкое отверстие и там снежное приятелище – родник замерзший. Скатываем камень – продолжительный грохот означает непомерную глубину. Выхожу оттуда – синее небо» [3, т. 2, с. 323].

Есть предположение, что речь идет о пещере Суук-Коба, или Холодной [3, т. 2, с. 323]. Описание Грибоедова слишком краткое для более точного утверждения. Лед, к примеру, есть во многих пещерах Чатырдага. Вообще массивы льда в карстовых полостях – одна из загадок Чатырдага; на нем обнаружено 10 таких пещер-ледников с постоянным скоплением льда даже в летнее время [5, с. 39]. К. И. Габлиц описал такую «ледяную яму» на Чатырдаге – в рощице, с северной стороны, почти наверху: «Отверстие ее вверху не более четырех аршин в диаметре имеет. А глубина может составить около 14-ти сажень <...> Также в некоторых других каменных расселинах, находящихся на самой вершине, кои весьма малую глубину имеют и только что от солнца сокрыты, во все лето снег не переводится, что самое служит доказательством

отменной высоты сей горы» [1, с. 40–41]. Таким образом, лед в пещере – не доказательство того, Грибоедов побывал именно в пещере Холодной. Тем болеестораживает, что Грибоедов описывает *одну* пещеру, тогда как совсем рядом с Холодной – не менее впечатляющая пещера Бинбаш-Коба, или Тысячеголовая, и ее невозможно, кажется, не заметить. Ученые предполагают, что Тысячеголовая и Холодная (ныне заповедные памятники природы) были когда-то одной пещерой и разделились в результате обвала. Почему же Грибоедов не пишет о Тысячеголовой?

И почему путешественники его времени не пишут о Тысячеголовой? Так, Ан. Демидов, побывавший на Чатырдаге через 12 лет после Грибоедова, специально искал «большую пещеру», о которой «*слышал*»; заметим: одну пещеру, а не *пещеры*. Остальные не были известны? Впрочем, как читаем у Ан. Демидова, и эту пещеру знали еще плохо: «Пещера эта вполне не известна, так она обширна и так много в ней переходов; но она замечательна тем, что в ней находятся огромные массы льда, сохраняющегося из году в год, от одной зимы до другой. Мы осмотрели только первую залу, представляющую величественное подземелье, которого своды простираются до пятидесяти футов в высоту» [4, с. 435]. Сравним с описанием пещеры (опять же – *одной*) у Ш. Монтандона: «С верхнего плато Чатырдага <...> спускаются, следуя по крутому скалистому откосу, на нижнее плато, где посещают обширную пещеру <...>

Глубина этой пещеры неизвестна; по словам татар, она тянется в скале на несколько верст. Первый зал <...> имеет около 50 футов высоты, и пять экипажей легко могли бы там проехать бок о бок; стены покрыты мхом. Таяние снега и льда, сохраняющихся в этой огромной пещере круглый год, делает грунт влажным и скользким» [12, с. 188]. Современные промеры пещеры Холодной (Суук-Коба): 210 м / 43 м / 1550 кв. м; в пещере есть подземная ванночка [8, с. 109]. Исходя из сказанного, следует, видимо, согласиться с предположением, что Грибоедов посетил на Чатырдаге *Холодную* пещеру (Суук-Кобу), – согласиться, однако, с учетом противоречий и сомнений.

Следующий поворот в сюжете грибоедовского путешествия по Чатырдагу – подъем на вершину горы: «Поднимаемся на самую вершину. Встреча зайца. На иных

зубцах самого верхнего шатра и на полянах ясно, но у самого верхнего зубца нас захватывают облака, – ничего не видеть, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваем пристанища. Розовая полоса над мрачными облаками, игра вечернего солнца; Судак синее вдали; корабли в Алуште будто на воздухе; море слито с небом» [3, т. 2, с. 323].

Комментарий: высшая точка Чатырдага находится на юго-западе – Эклези-Бурун; вторая по высоте точка – Ангар-Бурун – выходит на юго-восток. Поэтому, когда Грибоедов пишет о «самой вершине» Чатырдага, о «верхнем шатре», «верхнем зубце», то следует понимать, что он поднялся на Эклези-Бурун, с которого *в хорошую погоду* открывается панорама всего Крыма. Но в том и дело, что Грибоедову с погодой не повезло, была густая облачность, «море слито с небом». А ведь могло быть так, как описывал Ш. Монтандон: «Если повезет с ясной погодой, то можно будет насладиться весьма обширным видом, охватывающим весь полуостров: степную часть, горы и море. Устремляясь на выступы скал, обращенные обрывистой частью на юго-запад, взор проникает в глубокие долины и густые леса Альмы, и одного этого вида достаточно, чтобы компенсировать трудности, ценой которых он достался» [12, с. 188].

Читаем заметки Грибоедова дальше и понимаем, что он прошел по верхнему плато Чатырдага вдоль южных склонов: «Попадаем в овчарню на восточной вершине (Ангар-Бурун. – Л. О.), обращенной лицом к югу. Сыворотка, холод, греюсь, ложусь на попону, седло в головах, бляение козлов и овец, нависших на стремнинах. Ночью встаю, луна плавает над морем между двух мысов. Звезда из-за черного облака. Другая скатилась надо мною. Какой гений подхватил ее?» [3, т. 2, с. 323]. Итак, Грибоедов остался ночевать на Чатырдаге (с 25 на 26 июня) у чабанов близ юго-восточной вершины Ангар-Бурун, рассчитывая, очевидно, утром увидеть панораму Крыма. Однако и наутро на Чатырдаге туман: «26 июня. Пятница. Кочуем в тумане и в облаках целое утро. Сажусь на восточный утес, вид на глубину к Темирджи. Два корабля в Алуште. Съезжаем до лучшей погоды в Корбек, лесом ручьи <...>» [3, т. 2, с. 323].

Остановимся на важной детали – дорогах, по которым всходил на Чатырдаг и спускался с Чатырдага Грибоедов. Чабаны пользовались несколькими тропами. Но подъем верхом на лошади был возможным либо с *северной* стороны горы (как поднимался Грибоедов на Чатырдаг 25 июня), либо с *южной*, от Алушты, через деревню Корбеклы (иначе: Корбек, ныне Изобильное). Южная дорога легче для путешественника [17]. Читаем у Ш. Монтандона: «Подниматься на Чатырдаг довольно удобно также через Корбек – на юге со стороны Алушты, можно подниматься и напрямую через Чафки или Аян <...> но, учитывая сложность двух этих подъемов, их нельзя советовать тем, кто путешествует верхом» [12, с. 187]. Ан. Демидов с экспедицией поднимался южной дорогой от Корбеклы. П. С. Паллас описал и *северную* (через деревню Султан-Мамут), и *юго-восточную* (от деревни Шумы) дороги на Чатырдаг. Вот его описание северной дороги: «Дорога к Чатыр-Дагу ведет из Ак-Мечети (Симферополь. – Л. О.) вверх по Салгиру в Султан-Мамут (ныне с. Доброе; дер. Мамут-Султан – владение потомков кн. В. М. Долгорукова, и отсюда название: Долгоруковская яйла. – Л. О.). <...> От Мамут-Султана есть удобная верховая дорога, длину которой считают 10 верст, проделанная по мягкому северному склону Чатыр-Дага, и ее избирают все путешественники, восходящие на гору и желающие вместе с тем посетить находящуюся там пропасть (возможно, это пещера, о которой пишет А. С. Грибоедов? – Л. О.), в которой снег сохраняется от одного года до другого» [23, с. 88–89].

Грибоедов, как видим, воспользовался при подъеме на Чатырдаг северной дорогой, при спуске в Корбеклы – южной. Но дорога через Шумы, описанная Палласом, оставалась неизвестной Грибоедову; запомним пока это обстоятельство.

Итак, туманным утром 26 июня Грибоедов вынужден был спуститься с Чатырдага и переждать непогоду в Корбеке, где и заночевал с пятницы 26 июня на 27 июня, сняв квартиру «крайнюю кверху» – с хорошим обзором: «Справа из-за Салтан-горы высовывается Кафель» [3, т. 2, с. 323]. Отметим кстати, что, спустившись с Чатырдага, «под вечер» 26 июня Грибоедов успел еще *пешком*, «средними возвышенностями, подошвою Чатыр-Дага» добраться до Алушты, осмотреть Алушту и окрестности: «<...> Замок Алустон в развалинах <...>, возвращаюсь низом

(в Корбек. – Л. О.), сперва садами, потом тропею, которая ведет в Бешмы, ногами растираю душистые травы, от которых весь воздух окурен. Татары любят земные плоды.

Ночью встаю, месячно» [3, т. 2, с. 323].

Встретившийся нам топоним Бешмы, по-видимому, прочитан в рукописи А. С. Грибоедова неверно. Речь идет о расположенном в верховьях р. Альмы горном селении Бешуй (с крымскотатарского: Пять домов); после 1945 г. – с. Дровянка; в 1948 г. Дровянка вошла в состав Партизанского сельсовета.

Подведем итоги дня: 26 июня, переночевав в тумане и сырости близ вершины Ангар-Бурун, из-за непогоды спустившись с Чатырдага в Корбек, Грибоедов совершил пешую экскурсию в Алушту и обратно, причем по разным дорогам. Усталость не рассеяла впечатлений; он поднимается ночью и при свете месяца оглядывает горы; ясное небо дает надежду на ясную погоду с утра.

Утром 27-го по южной дороге из Корбеклы он вновь поднимается на Чатырдаг: «Опять в гору; сперва лесом, потом голыя вершины уступами. Круча. Панорама с Чатырдага <...>» [3, т. 2, с. 324]. На этот раз погода позволила видеть далеко; Грибоедов дает описание панорамных видов с южной террасы: «<...> Под ногами площадь, терраса Чатыр-Дага, первая под самым темем, шатром (чадирь), все негладкости будто стесаны» [3, т. 2, с. 324]. Коротко и точно описана вершина Эклези-Бурун (Церковный мыс), «скалистая и хорошо отличимая от других» [5, с. 77]. Отсюда Грибоедов смог увидеть практически весь Крым. В заметках обособил описание «заголовком» – «Панорама с Чатыр-Дага» и предельно точно, для памяти, чтобы не допустить искажений, обозначил прорисовывающиеся объекты: Севастополь, Бахчисарай, Саблы, Салгир, Симферополь, Евпаторию (Козлов), Зую, Карасубазар, часть Азовского моря, «степь и дол до Перекопа», Судак, Карадаг... Несомненно, эта запись сделана на Чатырдаге. Приведем ее фрагмент, выделив сравнения с военными укреплениями: «На вершине (западном зубце, где мы стоим), между двух углов, шагов 50 стремительный спуск к югу, пологий к северу, обрыв к Альме, дебрь. – За Темирджи несколько слоев гор еще возвышеннее. – От Чатыр-Дага к северу площадь, *терраса, будто укрепление с исходящими углами, с бойницами*, из

них иные красные, желтые, серые, и между ними зелень. Белизна меловых гор, которые *тянутся, как лагерь*.

Несколько орлов с закрюченными крыльями; их плавный и быстрый полет» [3, т. 2, с. 324].

Погода менялась внезапно: «Дождь, словно занавес, постепенно закрывает предметы и близится к нам, наконец, сечет нас. Прячемся. Новая картина. Улитки. Я над стремниной. Опять ведренно, выхожу из засады. Противоположность – спереди был мрак, сзади ясно, теперь наоборот. – Следую направлению верхнего обреза от з<апада> к востоку (к Ангар-Буруну. – Л. О.), смотрю на дольные картины из-за промежутков скал, как из-за зубцов Кремля. – Сперва Салгир был вправо, потом против меня, теперь влево, по мере моего шествия. К западу картина становится уже и расширяется к востоку. С восточной оконечности вид на дебрь между Кизил-Кобе (вчера казался так высок, а нынче через него гляжу), Темирджи и Ч<атыр>-Д<аг>. Ветер переменялся, облака назад пошли и, после дождя разодранные, как после битвы, тянутся от Султан-горы серединою Чатыр-Дага в Темирджинское ущелье, словно оттудова пар воскуривают; позади всего море, пропасти под ногами и зубцы. Не понимаю, как меня ветер не снес! Прихожу к пастухам, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь в Корбек» [3, т. 2, с. 324–325].

Грибоедов спешил. Подъем утром из Корбеклы, затем поход по южному плато Чатырдага (от вершины к вершине), затем спуск – заняли у него, по приблизительным подсчетам, не менее 8 – 9 часов. Казалось бы, программа дня исчерпана. Но в этот же день Грибоедов отправился верхом еще и на южные отроги Чатырдага в д. Шумы (Шума, Шумаи; ныне Верхняя Кутузовка). Возможно, хотел увидеть описанный Палласом подъем на Чатырдаг от Шумы. Кроме того, Грибоедов знал, что с этими местами связаны исторические победы и ранение в 1774 г. М. И. Кутузова: «После обеда в Шуму; плутаю по оврагам; лошадь мне ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью в Алушту» [3, т. 2, с. 325]. Заметим, что Грибоедов упомянул о «новой большой дороге». Речь идет о строившейся в 1824–1826 годах под руководством военного инженера подполковника П. В. Шипилова шоссейной дороге из

Симферополя в Алушту. Это был самый сложный инженерный проект, знаменовавший новый этап в развитии Крыма.

От селения Шумы Грибоедов, как и накануне, едет в Алушту; теперь подробнее знакомится с ее расположением, вновь посещает развалины византийской крепости: «Алушта; древние развалины замка, около которого домики с плоскими кровлями прислонены к холму, образующему со многими другими подошву Чатыр-Дага; около него ручьи и сады в яминах. Все место окружено амфитеатром, к морю отрогами обоих Яйл (Демерджи-яйлой и Бабуган-яйлой. – Л. О.) и Чатыр-Дага, которого вершины господствуют над сей долиною. Корабль нагружается лесом; другой от флота зашел за пресной водою. Разговор с офицером о Чатыр-Даге. Морские ванны. Эфенди хвастает крепкою черешнею» [3, т. 2, с. 325]. Как видим, день оказался нелегким. Но Грибоедов еще и в море купался, успел побеседовать с офицером (причем о Чатырдаге), с эфенди. Ясно, что *так* проведенные дни характеризуют путешественника: безудержная жажда познания, неутомимость, воля, физическая сила. Он успел понять выгодность стратегического расположения Алушты, защищенной высотой «обеих яйл» и «господствующего» Чатырдага.

28 июня Грибоедов выехал из Алушты не ранее полдня, солнце стояло высоко. К середине дня отъехать удалось недалеко (по берегу 6–8 км): «Едем берегом. Узенькая тропа. Жар несносный. Вправо то голые утесы, то лес. Кастель. Иногда крутой въезд, потом опять спуск к морю. Мыс. Проехав из-за него, выказался Кучук-Ламбат <...>» [3, т. 2, с. 325].

Несколько дней путь А. С. Грибоедова пролегал по побережью к Севастополю, оттуда – к Бахчисараю. Но во время всего дальнейшего путешествия Грибоедов помнит о Чатырдаге, с разных возвышенностей ищет и угадывает его контуры.

1 июля, поднимаясь «близ Форусского утеса вверх лесом» (видимо, к Красной скале выше пос. Форос; в 1890-е годы на скале был построен Храм Воскресения Христова. – Л. О.), Грибоедов подмечает: «Похоже на подъем с моря на Чатыр-Даг» [3, т. 2, с. 327].

2 июля на выезде из Балаклавы с холма Грибоедов оглядывает «гористый вид», и находит «вглубь всей картины верх Чатыр-Дага, нависшего как облако» [3, т. 2, с. 328].

На следующий день, 3 июля, он записывает в Севастополе: «Через город видны холмы Инкермана и два его маяка, и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонт, как по обрезу. Чатыр-Даг левее и почти на одной черте с городом *особится от всех*, как облако, но *фигура его явственна и правильна* (курсив мой. – Л. О.)» [3, т. 2, с. 330].

9 июля, на «спуске к Саблам», он вновь различил контуры Чатыр-Дага [3, т. 2, с. 334].

В поездке по Южнобережью Грибоедов все чаще вносит в путевые заметки исторические наблюдения, кратко описывает встреченные «остатки древностей». Иногда включает полемичные раздумья, как, например, о крепости в Инкермане: «Но где брали воду? – Отчего монахи? – Во всяком случае ариане, ибо готфы сперва были ариане <...>» [3, т. 2, с. 330]

Возможно, складывалась у него гипотеза о жизни людей и на Чатырдаге. Особо значимы раздумья об этом в письме к С. Н. Бегичеву из Феодосии от 12 сентября 1825 г., перед отъездом на Кавказ. В письме находим информацию о заключительной поездке в восточный Крым и обобщающие раздумья о крымском путешествии: «Третьего дня (ранним утром 10 сентября 1825 г. – Л. О.) я вырвался наконец из дрянного городишка (Симферополя. – Л. О.)», – начинает письмо Грибоедов [3, т. 3, с. 99], и далее рассказывает о длинной дороге в Судак. В пути внимательно изучает горизонты: «В несколько часов я прокатился по солнышку до Карасубазаря (Белогорска. – Л. О.) и еще станцию далее; справа чернелись верхи Яйл и Чатыр-Дага, потом передовые холмы их заслонили» [3, т. 3, с. 99]. Поздним вечером, преодолев более 100 км, добрался до Судака. «На другой день (вчера) рано побрел к мысу, на котором разметаны Сольдайские руины», – продолжает Грибоедов [3, т. 3, с. 100].

«Сольдайские руины» (генуэзскую крепость) осматривал один, без спутников: одиночество необходимо было при «сближении» «с судьбою давно отошедших». И вот его мысли: «Мирно и почтительно взошел я на пустырь, обнесенный стенами и

обломками башен, цеплялся по утесу, нависшему круто в море, и бережно взобрался до самой вершины, и там башня и свод уцелели. С Чатыр-Дага вид пространнее, но нет признака, чтобы там люди живали, усел город, чтобы стекались в него купцы и странники изо всех частей света, чтобы, наконец, он взят был на щит расвирепевшим неприятелем и груды камней одни бы свидетельствовали о прежней *величавой его жизни*. Здесь это все есть. *И не приморскими видами я любовался; перебирал мысленно многое, что слышал и видел <...>* (курсив мой. – Л. О.)» [3, т. 3, с. 100].

«Слышать» и читать об историческом прошлом Тавриды Грибоедов мог немало: с момента присоединения Крыма к России эти вопросы стали самыми актуальными для ученых [13, с. 128–138, 139–184]. Как правило, путешествующие были заряжены стремлением увидеть все своими глазами и высказать собственные предположения по этим вопросам [14, с. 166–169]. Каждая новая публикация о Крыме вызывала немедленный читательский отклик, формировала планы и маршруты путешествий в Крым [16, с. 258–264].

«Когда я сошел сверху к берегу (т. е. с горы Дженеветз-Кая, или Генуэзская скала, а также Крепостная гора, где построена Судакская крепость. – Л. О.), лошади были приведены с почты, и я поскакал» [3, т. 3, с. 100], – рассказывает Грибоедов в письме Бегичеву об отъезде в сторону Феодосии. Дорогу выбрали через с. Отузы (ныне пгт Щебетовка у сев. подножия Кара-Дага. – Л. О.). Расстояние от Судака до Феодосии немалое, 57 км. Поэтому, успев преодолеть 26 км – таково расстояние от Судака до Щебетовки-Отузов – Грибоедов остался здесь на ночлег: «Сюда я прискакал поздно ночью, при лунном сиянии». Местечко ему понравилось: «Самая миловидная полоса этой части Крыма, по мне, *Оттузы*» [3, т. 3, с. 100].

Встав пораньше 12 сентября, он добрался до Феодосии (Кафы), осмотрел исторические строения, а поздно вечером писал Бегичеву: «Нынче обегал весь город, чудная смесь вековых стен прежней Кафы и наших однодневных мазанок. <...> На этом пепелище господствовали некогда готические нравы генуэзцев; их сменили пастырские обычаи мунгалов с примесью турецкого великолепия <...>» [3, т. 3, с. 100–101].

Думается, эти фрагменты из письма к другу не только восстанавливают хронологию поездки Грибоедова по восточному Крыму, но и передают ход его «китоговых» раздумий. Они приближают нас к пониманию цели всего крымского путешествия, объясняют «сосредоточенно-серьезную настроенность», напряженность в постижении крымской географии, природных условий, жизни народов, исторической психологии, судеб цивилизаций, исторических перспектив. Чатырдаг в череде этих раздумий занял особое место. Грибоедов с первых дней пребывания Крыму размышлял о загадке Чатырдага, постигал историко-географическую логику его освоения людьми.

Гипотезы о заселении Чатырдага существовали давно. Строений, остатков жилищ не сохранилось, но археологических находок сделано немало. Новонайденные могильники на юго-восточном склоне горы относят к III в. н. э.; в пещерах находят фрагменты гончарной раннесредневековой керамики, а также таврской керамики VIII-III вв. до н. э.; встречается археологам кремниевый инвентарь и керамика эпохи неолита – ранней бронзы, что говорит о древних стоянках в этих местах 3–4 тыс. лет назад. Найдено на Чатырдаге и позднеантичное святилище на вершине Эклизи-Бурун; на склонах Чатырдага нередки находки ножевидных пластин, осколков кремня – следы жизни человека каменных веков.

Посетив Чатырдаг, Грибоедов уже не сомневался, что гора обживалась в разные исторические эпохи; люди выбирали места, где могли защититься, на яйлах, где была вода, пастбища, пещеры, чтобы укрыться. Он искал «признаки», что на Чатырдаге «люди живали», – но не нашел. В его воображении выросла гипотеза об историческом порядке событий, развитии и «уходе» народов и выразилось это в грустной краткой записи, которую сейчас повторим курсивом и в скобках предложим толкование: *«С Чатыр-Дага вид пространнее (широкий обзор, возможность издалека заметить неприятеля. – Л. О.), но нет признака, чтобы там люди живали (следствие давнего оставления этих мест. – Л. О.), усел город (поселение, «город» «спустился» с безопасных вершин Чатырдага к морю. – Л. О.), чтобы стекались в него купцы и странники изо всех частей света (чтобы стать богатым торговым портом, как Алушта. – Л. О.), чтобы, наконец, он взят был на щит рассвирепевшим неприятелем*

и груды камней одни бы свидетельствовали о прежней величавой его жизни (но это и погубило город, о чем свидетельствуют руины «величавых» крепостных сооружений Алушты. – Л. О.)».

Может быть, перед нами набросок рождающегося исторического сюжета, имевшего внушительный потенциал расширения. И, возможно, в Крыму Грибоедов постоянно возвращалась к этим историческим раздумьям и – Чатырдагу, занявшему особое место в его памяти и воображении.

Издатель журнала «Отечественный записки» П. П. Свиньин, путешествовавший по Крыму в те же сроки, что и Грибоедов, писал: «Почти на Чатыр-Даге встретился я с Александром Сергеевичем Грибоедовым; и сердечно сожалею доселе, что ненастная погода не допустила меня сделать с столь милым товарищем путешествие на вершину сего крымского гиганта, где бы мог он быть лучшим для меня чичеронием, ибо весьма часто посещает из Симферополя высочайшую гору Тавриды, – вероятно, чтоб питаться чистым, горным воздухом, вдохновенным для пламенного воображения поэта-психолога. Александр Сергеевич советует путешественникам, желающим познакомиться с Тавридою, или, так сказать, ориентироваться, предварительно взбираться на сию гору, ибо в хорошую погоду весь полуостров виден с нее как на блюдечке» [9, с. 129].

А. С. Грибоедов был знаком с П. П. Свиньиным еще по Московскому университету. Издатель «Отечественных записок» активно поддерживал Грибоедова, давал высокие оценки «Горю от ума» [23, с. с.179–180; 9, с. 135]. Это дает основание вполне довериться свидетельству П. П. Свиньиного, в частности, в том, что посещение Чатырдага стало душевной потребностью «поэта-психолога» и, добавим, «поэта-историка», каким был А. С. Грибоедов.

Список литературы

1. Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области, по ея местоположению и по всем трем царствам природы. – СПб.: Тип. И. Вейтбрехта, 1785. – 198 с.

2. Грибоедов А. С. Полн. собр. сочинений / Под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова. – Т. 3. – Петроград: изд. Разряда изящной словесности Императорской Академии наук, 1917. (Академическая библиотека русских писателей). – 396 с.
3. Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. в 3-х т. / Гл. ред. С. А. Фомичев. – СПб, 1995-2006. Т. 2. Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. – СПб: «Нотабене», 1999. – 618 с. Т. 3. Письма. Документы. Служебные бумаги. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2006. – 686 с.
4. Демидов Ан. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым, членом Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук и Искусств, Императорского С.-Петербургского университета и Академий Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской. – М.: В типографии Александра Семена, 1853. – 543 с.
5. Душевский В. П., Шутов Ю. И. Чатыр-Даг: Путеводитель. – 3-е изд., доп. и перераб. – Симферополь: Таврия, 1987. 80 с.
6. Е. В. Петухов (1863-1948): Материалы к биографии: коллективная монография / Сост. Л. М. Борисова – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 308 с.
7. Ена В. Г. В горах и на равнинах Крыма (географические экскурсии). – Симферополь: «Таврия». 1973. – 112 с.
8. Ена В., Ена Ал., Ена Ан. Заповедные ландшафты Тавриды. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. – 424 с.
9. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Изд. подгот.: К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шерemet; науч. ред В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь: ООО «Растр», 2017. – 768 с.
10. Минчик С. С. Грибоедов и Крым: монография. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 275 с.
11. Мицкевич А. Крымские сонеты. Пер. с польского кн. Алексея Кугушева // Вестник Европы. – 1898. – № 4. – С.559.

12. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Ш. Монтандон; пер. с франц. В. В. Орехова. – Киев: Издательский дом «Стилос», 2011. – 416 с.
13. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2017. – 579 с.
14. Орехов В. В. Литературное крымоведение и проблема исторической истины в образовательном процессе // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 164–192.
15. Орехов В. В. Первый путеводитель по Крыму // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Ш. Монтандон; пер. с франц. В. В. Орехова. – Киев: Изд. дом «Стилос», 2011. С. 10–39.
16. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации. Крым в жизни и творчестве А. С. Пушкина. (Материалы Всероссийского форума, посвященного 215-й годовщине со дня рождения поэта, 6–8 июня 2014 г.) // Вестник Псковского государственного университета. Выпуск 1. Серия «Социально-гуманитарные науки». Псков: Псковский государственный университет, 2015. С. 258–265.
17. Орехова Л. А. «Кастель-Приморский»: история и судьбы в архивных документах. Гл.18. «Крымский жанр» в творчестве Н. А. Головкинского // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2009. – № 24. – С. 48–72.
18. Орехова Л. А. Январь 1945 года: юбилей А. С. Грибоедова в Крыму // XIII Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения. Сб. трудов конф. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. С. 33–40.
19. Орехова Л. А., Дубровский А. В. «Жизнь, связанная неразрывно и неизменно с русской высшей школой»: профессор Е. В. Петухов – заведующий кафедрой литературы Крымского пединститута // Ученые записки Крымского федерального

- университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 5. – С. 123–145.
20. Орехова Л. А., Дубровский А. В. Профессор Е. В. Петухов в истории Крымского архива // Вестник архивистов Крыма. Вып. 3. – Симферополь: Антиква, 2019. – С. 32–41.
21. Орехова Л. А., Дубровский А. В. Профессор Крымского пединститута Е. В. Петухов и его дневник в фондах ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур. VI Международная научно-практическая конф. (9-11 октября 2018 г.) / Под ред. В. В. Орехова, Е. Я. Титаренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 23–26.
22. П. С. (Свиньин П. П.) Санкт-Петербургские современные летописи // Отечественные записки. – 1825. – Ч. XXII. № 60. С. 156–187.
23. Паллас Петр Симон. Наблюдения, сделанные во время путешествия по Южным наместничествам русского государства в 1793 – 1794 годах. – М.: Наука, 1999. – 246 с.
24. Петухов Е. В. Грибоедов в Крыму (1825) // Известия Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе. – Т. XII. – Симферополь: Крымиздат, 1947. – С. 177–186.
25. Петухов Е. В. Крым и русская литература. – Симферополь: 1-я Гостиполит. «КПТ», 1927. – 21 с.
26. Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол. / Изд. подг. И. С. Абрамовская, А. А. Охременко; науч. ред. В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2016. – 507 с.
27. Сосногорова М. А. Путеводитель по Крыму для путешественников. / Сост. М. Сосногорова. – Одесса: тип. Л. Нитче, 1871. – 371 с.
28. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду / Павла Сумарокова. – Ч. 1. – СПб., печатано в Императорской типографии, 1803. – 226 с.

29. Шутов Ю. И. Воды Крыма. Научно-популярный очерк. – Симферополь: Таврия, 1979. – 96 с.
30. Щепинский А. А. Красные пещеры: Долгоруковская яйла. – Изд. 2-е. перераб. и доп. – Симферополь: «Таврия», 1987. – 110 с.

References

1. Gablits K. I. *Fizicheskoe Opisanie Tavricheskoi Oblasti, po Eya Mestopolozheniyu i po Vsem Trem Tsarstvam Prirody* [Physical description of the Tauride region, by its location and by all three kingdoms of nature]. St. Petersburg: Tip. I. Veitbrekhta Publ., 1785. 198 p.
2. Griboedov A. S. *Polnoe Sobranime Sochinenii* [Complete works]. Pod red. i primech. N. K. Piksanova. T. 3. Petrograd: izd. Razryada izyashchnoi slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1917. (Akademicheskaya Biblioteka Russkikh Pisatelei). 396 p.
3. Griboedov A. S. *Polnoe Sobranime Sochinenii: v 3-kh t.* [Complete works in 3 volumes]. Gl. red. S. A. Fomichev. St. Petersburg, 1995-2006. T. 2. Dramaticheskie sochineniya. Stikhotvoreniya. Stat'i. Putevye zametki [Dramatic compositions. Poems. Articles. Travel notes]. St. Petersburg: Notabene» Publ., 1999. 618 p. T. 3. Pis'ma. Dokumenty. Sluzhebnye bumagi [Letters. Documents. Service papers]. St. Petersburg: «Dmitrii Bulanin» Publ., 2006. 686 p.
4. Demidov An. *Puteshestvie v Yuzhnuyu Rossiyu i Krym, cherez Vengriyu, Valakhiyu i Moldaviyu, Sovershennoe v 1837 godu Anatoliev Demidovym, CHlenom Imperatorskoi Sankt-Peterburgskoi Akademii Nauk i Iskusstv, Imperatorskogo S.-Peterburgskogo Universiteta i Akademii Parizhskoi, Myunkhenskoi i Stokgol'mskoi* [A journey to southern Russia and Crimea, through Hungary, Wallachia and Moldavia, made in 1837 by Anatoly Demidov, a member of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences and Arts, the Imperial St. Petersburg University and the Academies of Paris, Munich and Stockholm]. Moscow: V tipografii Aleksandra Semena Publ., 1853. 543 p.
5. Dushevskii V. P., Shutov Yu. I. *Chatyr-Dag: Putevoditel'* [Chatyr-Dag: Guide]. 3-e izd., dop. i pererab. Simferopol: Tavriya Publ., 1987. 80 p.

6. E. V. Petukhov (1863–1948): *Materialy k Biografii: kollektivnaya monografiya* [E. V. Petukhov (1863–1948): Materials for biography: collective monograph]. Sost. L. M. Borisova. Simferopol: IT «ARIAL» Publ., 2019. 308 p.
7. Ena V. G. *V Gorakh i na Ravninakh Kryma (Geograficheskie Ekskursii)* [In the mountains and plains of Crimea (geographic excursions)]. Simferopol: «Tavriya» Publ., 1973. 112 p.
8. Ena V., Ena Al., Ena An. *Zapovednye Landshafty Tavridy* [Reserved landscapes of Taurida]. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2004. 424 p.
9. *Krymskii mif v russkoi kul'ture pervoi poloviny XIX v. Svod Maloizvestnykh Svidetel'stv Sovremennikov* [Crimean myth in Russian culture of the first half of the 19th century. A collection of little-known testimonies of contemporaries]. Izd. podgot.: K. V. Borisova, A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orekhova, D. K. Pervykh, A. S. Sheremet; nauch. red. V. A. Koshelev. Velikiy Novgorod – Simferopol: OOO «Rastr» Publ., 2017. 768 p.
10. Minchik S. S. *Griboedov i Krym: monografiya* [Griboyedov and Crimea: monograph]. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2011. 275 p.
11. Mitskevich A. *Krymskie Sonety. Per. s Pol'skogo kn. Alekseya Kugusheva* [Crimean sonnets. Translated from the Polish prince Alexei Kugushev]. *Vestnik Evropy*. 1898. № 4. P. 559.
12. Montandon Sh. *Putevoditel' Puteshestvennika po Krymu, Ukrashennyi Kartami, Planami, Vidami i Vin'etami i Predvarennyi Vvedeniem o Raznykh Sposobakh Pereezda iz Odessy v Krym* [Traveler's guide to Crimea, decorated with maps, plans, views and vignettes and preceded by an introduction about different ways of moving from Odessa to Crimea]. Sh. Montandon; per. s frants. V. V. Orekhova. Kiev: Izdatel'skii dom «Stilos» Publ., 2011. 416 p.
13. Orekhov V. V. *V Labirinte Krymskogo Mifa* [In the maze of the Crimean myth]. Simferopol – N. Novgorod: OOO «Rastr» Publ., 2017. 579 p.
14. Orekhov V. V. *Literaturnoe Krymovedenie i Problema Istoricheskoi Istiny v Obrazovatel'nom Protsesse* [Literary Crimean studies and the problem of historical truth in the educational process]. *Sovremennaya Kartina Mira: Krymskii Kontekst: kollektivnaya monografiya*. Simferopol: IT «ARAIL» Publ., 2017. P. 164–192.

15. Orekhov V. V. *Pervyi putevoditel' po Krymu* [The first guide to Crimea]. *Putevoditel' Puteshestvennika po Krymu, Ukrashennyi Kartami, Planami, Vidami i Vin'etami i Predvarennyi Vvedeniem o Raznykh Sposobakh Pereezda iz Odessy v Krym. Sh. Montandon*; per. s frants. V. V. Orekhova. Kiev: Izdatel'skii dom «Stilos» Publ., 2011. P. 10–39.
16. Orekhova L. A. «Bakhchisaraiskii Fontan» A. S. Pushkina v Literature Puteshestvii po Krymu: Problemy Interpretatsii [“The Bakhchisarai Fountain” by A. S. Pushkin in Travelling Literature on the Crimea: Problems of Interpretation]. *Vestnik Pskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Sotsialno-Gumanitarnye Nauki»*. Pskov: PGU Publ., 2015. № 1. P. 258–265.
17. Orekhova L. A. «Kastel'-Primorskii»: Istoriya i Sud'by v Arkhivnykh Dokumentakh. Gl. 18. «Krymskii Zhanr» v Tvorchestve N. A. Golovkinskogo [«Castel-Primorsky»: history and destinies in archival documents. Chapter 18. «Crimean genre» in the work of N. A. Golovkinsky]. *Istoricheskoe Nasledie Kryma*. Simferopol, 2009. № 24. P. 48–72.
18. Orekhova L. A. *Yanvar' 1945 Goda: Yubilei A. S. Griboedova v Krymu* [January 1945: anniversary of A. S. Griboyedov in Crimea]. *XIII Krymskie Mezhdunarodnye Mikhailovskie Literaturno-Onomasticheskie Chteniya. Sb. trudov konferentsii*. Simferopol: KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2019. P. 33–40.
19. Orekhova L. A., Dubrovskii A. V. «Zhizn', Svyazannaya Nerazryvno i Neizmenno s Russkoi Vysshei Shkoloi»: Professor E. V. Petukhov – Zaveduyushchii Kafedroi Liteatury Krymskogo Pedinstituta [«Life is inseparably and invariably connected with Russian higher education»: Professor E. V. Petukhov – Head of the Department of Literature of the Crimean Pedagogical Institute]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta im. V. i. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. 2019. T. 5 (71). № 5. P. 123–145.
20. Orekhova L. A., Dubrovskii A. V. Professor E. V. Petukhov v Istorii Krymskogo Arkhiva [Professor E. V. Petukhov in the history of the Crimean archive]. *Vestnik Arkhivistov Kryma*. Vyp. 3. Simferopol: Antikva Publ., 2019. P. 32–41.
21. Orekhova L. A., Dubrovskii A. V. Professor Krymskogo Pedinstituta E. V. Petukhov i Ego Dnevnik v Fondakh OR IRLI (Pushkinskii Dom) RAN [Professor of the Crimean

- Pedagogical Institute E. V. Petukhov and his diary in the funds of the OR IRLI (Pushkin House) RAS]. *Dialog Kul'tur. Teoriya I Praktika Prepodavaniya Yazykov i Literatur. VI Mezhdunarodnaya Nauchno-Prakticheskaya Konferentsiya (9–11 Oktyabrya 2018 g.)*. Pod red. V. V. Orekhova, E. Ya. Titarenko. Simferopol: IT «ARIAL» Publ., 2018. P. 23–26.
22. P. S. (Svin'in P. P.) *Sankt-Peterburgskie Sovremennye Letopisi* [Saint Petersburg modern chronicles]. *Otechetvennye Zapiski*. 1825. Ch. XXII. № 60. P. 156–187.
23. Pallas Petr Simon. *Nablyudeniya, Sdelannye vo Vremya Puteshchestviya po Yuzhnym Namestnichestvam Russkogo Gosudarstva v 1793–1794 Godakh* [Observations made during a trip to the Southern governorships of the Russian state in 1793-1794]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 246 p.
24. Petukhov E. V. *Griboedov v Krymu (1825)* [Griboyedov in Crimea (1825)]. *Izvestiya Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze*. T. XII. Simferopol: Krymizdat Publ., 1947. C. 177–186.
25. Petukhov E. V. *Krym i Russkaya Literatura* [Crimea and Russian literature]. Simferopol: 1-ya Gostipolit. «KPT» Publ., 1927. 21 p.
26. *Sentimentyl'nye Puteshestviya v Tavridu: P. I. Sumarokov, I. M. Murav'ev-Apostol* [Sentimental travels to Taurida: P. I. Sumarokov, I. M. Muravyev-Apostol]. Izd. podg. I. S. Abramovskaya, A. A. Okhremenko; nauch. red. V. A. Koshelev. Velikiy Novgorod – Simferopol – N. Novgorod: OOO «Rastr» Publ., 2016. 507 p.
27. Sosnogorova M. A. *Putevoditel' po Krymu Dlya Puteshestvennikov* [Crimea travel guide for travelers]. Sost. M. Sosnogorova. Odessa: tip. L. Nitche Publ., 1871. 371 p.
28. Sumarokov P. I. *Dosugi Krymskogo Sud'i, ili Vtoroe Puteshestvie v Tavridu* [Leisure of the Crimean judge, or the Second trip to Taurida]. Ch. 1. St. Petersburg, pechatano v Imperatorskoi tipografii Publ., 1803. 226 p.
29. Shutov Yu. I. *Vody Kryma. Nauchno-Populyarnyi Ocherk* [The waters of the Crimea. Popular science essay]. Simferopol: «Tavriya» Publ., 1979. 96 p.
30. Shchepinskii A. A. *Krasnye Peshchery: Dolgorukovskaya Yaila* [Red caves: Dolgorukovskaya yayla]. Izd. 2-e. pererab. i dop. Simferopol: «Tavriya» Publ., 1987. 110 p.

**CHATYRDAG AS AN OBJECT OF GEOGRAPHICAL AND HISTORICAL
INTERESTS A. S. GRIBOEDOV**

Orekhova L. A.

A. S. Griboyedov was a diplomat. He assessed any geographical characteristics of the area from the point of view of historical retrospective and perspective, from the point of view of the role of this area in the «movement of peoples», their economic activities, etc. This approach allowed Griboyedov to accurately understand the meaning of historical events and predict the prospects of the region. Griboyedov is the author of the famous phrase about the times of «Ochakov and the conquest of the Crimea». In the summer of 1825, he undertook a trip to the Crimea with an educational purpose. During the travel period, he devoted a lot of time to historical reflections (“I didn’t admire the seaside views,” “I thought about many subjects”). Griboyedov’s special attention was drawn to the Crimean mountain Chatyrdag. We analyzed Griboyedov’s travel notes. This analysis testifies that from the first days of his stay in Crimea, the writer pondered about the riddle of Chatyrdag, looked for the geographical and historical logic of the development (“habitation”) of Chatyrdag in antiquity, although he did not find obvious traces of human habitation. Griboyedov had no doubt that the mountain was inhabited in different historical periods. He believed that people found here places where they could defend themselves from enemies, where there was water (on the slopes of Chatyrdag there is a powerful spring Ayan), where there are pastures, caves, where you can find shelter. According to Griboyedov, the ancient inhabitants of Chatyrdag gradually “descended” to the sea, “settled” on the coast (“the city sat down”). On the coast, these people founded the rich city of Alushta, which was later destroyed many times by “fierce enemies”. According to Griboyedov, only ruins («piles of stones») testify «to the former stately life of the city».

Keywords: A. S. Griboyedov, Crimean Notes, Chatyrdag, literary Crimean studies, Red Caves, Alushta.